Александра Княжина

Неправильная связь

18+

Александра Княжина

Неправильная связь

https://litres.ru/74760878
SelfPub; 2026

Аннотация

На мое совершеннолетие отец объявил о свадьбе между нашей семьей и семьей Нельсонов. Я думала, что моим мужем станет молодой Лиам, но я вышла замуж за его старого отца.

Теперь, он насмешливо называет меня мачехой и бесстыже касается там, где не должен.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 27
Глава 3 45
Глава 4 62
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Александра Княжина
Неправильная связь

Глава 1

Июльское солнце заливало сад нашего загородного дома теплым золотистым светом, отражаясь в высоких окнах особняка и заставляя хрустальные бокалы на праздничных столах переливаться сотнями крошечных бликов. Воздух был наполнен ароматом белых роз, свежескошенной травы и дорогих духов, которыми благоухали многочисленные гости. Все выглядело именно так, как и должно выглядеть празднование восемнадцатилетия дочери состоятельного человека: безупречно, роскошно, с некоторой показной торжественностью, которую мой отец так любил.

Сегодня мне исполнилось восемнадцать. Возраст, который окружающие почему-то воспринимали как важную веху, словно в одно мгновение после полуночи я должна была превратиться из наивной девочки в зрелую женщину, способную принимать самостоятельные решения и нести ответственность за собственную жизнь. Мама еще несколько недель назад говорила, что восемнадцать лет – это начало прекрасного периода, когда передо мной откроется множество возможностей. Я тогда поверила ей, представляя

университет, новые знакомства, путешествия и, возможно, первую настоящую любовь.

Однако, стоя посреди огромного зала, наполненного незнакомыми людьми, я с трудом могла представить, как именно моя новая взрослая жизнь должна выглядеть.

На мне было светло-голубое вечернее платье с открытыми плечами и длинной воздушной юбкой, которая мягко касалась пола при каждом движении. Тонкая ткань красиво струилась по моей хрупкой фигуре, а небольшие серебристые украшения, подобранные мамой, делали образ завершенным, не слишком броским. Светлые волнистые волосы были уложены на одну сторону, оставляя открытой шею. Мама сказала, что я выгляжу как принцесса, и я, смущенно улыбнувшись, согласилась с ней.

Но принцессой себя не чувствовала. Скорее маленькой девочкой, которую зачем-то поставили на сцену перед огромной аудиторией и забыли объяснить, что от нее требуется.

Все присутствующие были знакомыми родителей, их деловыми партнерами, друзьями и родственниками. Людьми, с которыми я почти никогда не пересекалась в повседневной жизни. Моя учеба в закрытом пансионе для девушек закончилась только в прошлом месяце, и за последние несколько лет я привыкла к совершенно другой обстановке: небольшим классам, строгим преподавателям, тихим вечерам в комнатах и редким выходным, когда родители забирали меня до-

мой.

Я не была особенно общительной. Мне нравилось рисовать, читать книги, гулять по саду и проводить время с мамой. У меня не было привычки ходить по вечеринкам, заводить многочисленные знакомства или искать приключения. Даже на свиданиях я никогда не бывала, хотя иногда, лежа в постели перед сном, представляла, как однажды встретится мужчина, который посмотрит на меня так, словно я для него самая прекрасная девушка на свете.

Мне хотелось любви. Настоящей, красивой, немного сказочной.

Наверное, это было глупо, но я никогда не могла заставить себя отказаться от подобных мечтаний.

– Кэрри, улыбнись, дорогая. Ты сегодня именинница, – мягко произнесла мама, коснувшись моего локтя.

Я повернула голову к ней и послушно улыбнулась.

Дженнифер Гловер выглядела великолепно. На ней было элегантное платье цвета шампанского, светлые волосы аккуратно собраны в прическу, а на шее сияло бриллиантовое колье, которое отец подарил ей на годовщину свадьбы. Мама всегда была красивой, но в последнее время я замечала, что она все чаще выглядит уставшей. Возможно, дело было в подготовке к сегодняшнему празднику.

– Я улыбаюсь, – тихо ответила я.

– Ты просто немного напряжена. Это нормально. Столько гостей, столько поздравлений. Но постарайся не прятаться за

моей спиной, хорошо? Ты уже взрослая девушка.

Я кивнула, хотя именно за маминой спиной мне хотелось спрятаться больше всего.

В очередной раз к нам подошла супружеская пара, которую я видела впервые. Мужчина в темном костюме широко улыбнулся, пожал маме руку, а затем повернулся ко мне с таким выражением лица, словно я была важным приобретением его делового партнера.

– С днем рождения, Кэролайн! Совсем большая стала. Помню, как вы с отцом приходили к нам на рождественский прием, а ты была еще совсем маленькой.

Я не помнила ни его, ни рождественского приема.

– Спасибо большое, – ответила я, стараясь звучать уверенно.

Женщина рядом с ним пожелала мне счастья, любви и прекрасного будущего. Я поблагодарила ее, и они отошли к другим гостям.

Мама тихо рассмеялась.

– Это мистер Уолтерс. Твой отец с ним уже много лет сотрудничает. Очень влиятельный человек.

– Я поняла.

– А вон там, возле окна, мистер Райан Нельсон. Директор финансового департамента компании Нельсонов. Он не так давно возглавил это направление бизнеса.

Я проследила за маминым взглядом. Мужчина, на которого она указала, стоял в компании двух других гостей. Он был

одет в темно-синий костюм, имел черные волосы и серые глаза, а его лицо отличалось той холодной правильностью черт, которая, казалось, была характерна скорее для аристократов, чем тех, кто мог бы работать с отцом. Он выглядел серьезным и собранным, разговаривал спокойно, почти не жестикулируя.

– А рядом с ним его старший брат Бенджамин, – продолжила мама. – Заместитель генерального директора. Его жена Ингрид стоит немного дальше.

Я перевела взгляд на другую пару. Бенджамин был старше Райана, с более жесткими чертами лица и выражением, которое не располагало к непринужденной беседе. Его жена, темноволосая женщина с холодными серыми глазами, выглядела почти его копией. Они стояли рядом, но не держались за руки и не проявляли друг к другу особенной нежности.

– А где их младший брат? – спросила я, вспомнив рассказ отца про трех сыновей Нельсонов.

Мама чуть заметно улыбнулась.

– Лиам? Кажется, вон там.

Я повернулась в указанную сторону и увидела его.

Он стоял у барной стойки, слегка повернувшись к молодой женщине в красном платье. Высокий, широкоплечий, с черными волосами, которые лежали в небрежной укладке, и красивым лицом, настолько правильным, что оно вполне могло принадлежать модели с обложки журнала. На нем был черный костюм, белая рубашка с расстегнутой верхней пу-

говицей и никаких заметных украшений. Он держал бокал в руке, улыбался и что-то говорил девушке, отчего та смущенно смеялась.

Я невольно задержала на нем взгляд.

Он был очень красивым. Не просто симпатичным, как некоторые мужчины, которых я видела на фотографиях в журналах, а по-настоящему привлекательным. В его внешности сочетались уверенность, легкая небрежность и какая-то особенная свобода, которая сразу выделяла его среди остальных гостей. Казалось, он совершенно не заботился о том, какое впечатление производит на окружающих, и именно поэтому производил его особенно сильное.

– Лиам Нельсон, – негромко пояснила мама. – Младший сын Генри. Ему двадцать пять. Закончил университет по направлению бизнеса, но, насколько я знаю, пока не слишком стремится заниматься семейной компанией.

В этот момент Лиам наклонился к девушке, что-то произнес ей на ухо, и она рассмеялась еще сильнее.

Я почувствовала странное тепло в щеках.

Он флиртовал. Совершенно открыто, совершенно непринужденно, словно подобное поведение было для него естественным способом общения. Через несколько минут рядом с ним уже стояла другая девушка, а первая отошла к своим знакомым. Лиам даже не выглядел расстроенным. Он просто улыбнулся новой собеседнице, и та с явным удовольствием приняла его внимание.

– Он всегда такой? – спросила я, не отрывая взгляда от мужчины.

– Какой?

– Ну… – Я замялась. – Общительный.

Мама посмотрела на меня с легкой улыбкой.

– Очень. Лиам довольно легкомысленный молодой человек. Любит развлечения, женщин, вечеринки. Генри уже давно смирился с тем, что младший сын не слишком заинтересован в работе.

Я снова посмотрела на Лиама. Он выглядел так, будто жизнь для него была бесконечной чередой приятных возможностей, из которых можно выбирать любую. В отличие от меня, которая даже сейчас не знала, куда деть руки и как правильно отвечать на поздравления.

Почему-то мне стало немного грустно. Я никогда не была влюблена, но, наверное, именно такие мужчины и заставляли девушек мечтать о любви. Красивые, уверенные, обаятельные. Те, кто мог улыбнуться тебе, и от этой улыбки ты бы забывала все слова, которые собиралась сказать. Я понимала, что Лиам, вероятно, совершенно не такой, каким я представляла своего будущего возлюбленного. Он был слишком легкомысленным, слишком свободным, слишком привыкшим к женскому вниманию. Но все равно не могла не думать о том, что, если он подойдет ко мне сегодня вечером, я, скорее всего, растеряюсь. И, наверное, буду ждать этого с некоторым испугом. Но и с трепетом. Ведь мне исполнилось восемна-

дцать. Я была молодой девушкой, и мне хотелось почувствовать себя красивой, желанной, особенной хотя бы для одного мужчины.

– Кэрри, – мама тихонько сжала мою руку, возвращая меня к действительности. – Не смотри так пристально. Он заметит.

Я резко отвела взгляд.

– Я не смотрела.

– Конечно, дорогая.

Ее улыбка стала немного шире, и я окончательно смутилась.

Впрочем, Лиам так и не подошел ко мне. Он продолжал общаться с гостями, улыбаться девушкам и время от времени смеяться, а я старалась не смотреть в его сторону слишком часто.

Получалось плохо.

Мне казалось, что рано или поздно он все-таки обратит на меня внимание. Возможно, поздравит с днем рождения, сделает комплимент платью или просто улыбнется. Я не знала, как реагировать на подобные вещи, но почему-то хотела, чтобы это случилось.

В какой-то момент музыка в зале стала тише, а отец, стоявший возле центральной лестницы, постучал ножом по бокалу с шампанским, привлекая внимание гостей. Патрик Гловер всегда умел заставить людей слушать себя. Он был человеком внушительным, уверенным в собственной значи-

мости, привыкшим к тому, что его мнение имеет вес. Сегодня он выглядел особенно довольным, и я сразу поняла, что сейчас он собирается произнести какую-то речь.

– Дорогие друзья! – громко начал отец.

Разговоры постепенно стихли. Гости повернулись к нему, некоторые подняли бокалы, ожидая поздравлений. Я почувствовала, как мама чуть сильнее сжала мою руку.

– Сегодня у нас особенный день, – продолжил отец, улыбаясь. – День, когда моя единственная дочь стала взрослой женщиной. Кэролайн!

Он посмотрел прямо на меня.

– Подойди сюда, дорогая.

Я замерла на мгновение, а затем, собравшись с силами, сделала шаг вперед. Все взгляды мгновенно устремились ко мне. Я почувствовала, как внутри все сжалось от смущения. Мне хотелось опустить голову, спрятать лицо за волосами, исчезнуть из поля зрения этих людей, но я заставила себя идти. Длинная юбка платья мягко скользила по полу, а туфли на невысоком каблуке казались неожиданно неудобными.

Когда я подошла к отцу, он обнял меня за плечи и повернулся к гостям.

– Посмотрите на нее! Какая красавица выросла. Совсем недавно была маленькой девочкой, а теперь перед вами настоящая леди. И знаете, я могу с уверенностью сказать, что моя дочь – это лучшее, что есть в моей жизни.

Я смущенно улыбнулась.

Отец продолжал говорить, перечисляя мои достоинства. Он упоминал, что я хорошо воспитана, что никогда не доставляла ему неприятностей, что закончила пансион с отличными оценками и всегда была послушной дочерью. Он говорил о том, как много сил и средств вложил в мое образование, как заботился обо мне, как гордится тем, что у него такая прекрасная девочка.

И все же в его словах было что-то, отчего мне становилось неловко. Он говорил обо мне так, словно я была очередным доказательством его успеха. Не человеком со своими желаниями, страхами и мечтами, а красивым, дорогим достижением, которое он с гордостью демонстрировал окружающим.

Я стояла рядом с ним, улыбаясь, и старалась не думать об этом.

– Кэролайн, – наконец произнес отец, – я хочу пожелать тебе счастья. Настоящего женского счастья. Любви, благополучия, прекрасной семьи. И, конечно, я всегда буду рядом, чтобы помочь тебе во всем.

Гости одобрительно зашумели. Я почувствовала облегчение, решив, что речь наконец закончится. Но отец вдруг поднял бокал выше и посмотрел на Генри Нельсона, который стоял неподалеку.

– И сегодня, в такой замечательный день, я хочу поделиться с вами еще одной радостной новостью.

Мое сердце, будто догадалось раньше меня, дрогнуло. Я не знала, что именно он собирается сказать, но по выраже-

нию его лица было понятно: новость должна быть очень важной.

– Наша семья и семья Нельсонов давно сотрудничают. Мы прошли вместе немало, достигли многого и всегда доверяли друг другу. И сегодня я с огромной радостью могу объявить, что теперь наши семьи объединятся еще крепче. Благодаря браку.

По залу прокатился удивленный, но радостный гул. Я тоже удивилась. Брак? Я невольно посмотрела на маму, но она улыбалась так, словно прекрасно знала, о чем идет речь. Затем мой взгляд скользнул к Лиаму.

Он стоял возле барной стойки, держа бокал в руке. На его лице была уже привычная мне легкая улыбка, но он не выглядел особенно заинтересованным происходящим.

И тут в моей голове возникла мысль, от которой сердце забилось быстрее. Неужели… У Нельсонов был сын – Лиам, который был почти моего возраста. Красивый, обаятельный, свободный. Если отец действительно говорил о браке между нашими семьями, то, возможно, речь шла о нем.

Я почувствовала, как по телу разливается неожиданное тепло.

Это было бы странно. Очень странно. Я даже не знала его имени до сегодняшнего вечера, не разговаривала с ним, не имела представления о его характере. Но если бы мне предложили выйти замуж за такого мужчину, я, наверное, не смогла бы сразу отказаться. По крайней мере, он был красив.

И, возможно, когда-нибудь я могла бы полюбить его.

– Итак, – продолжил отец, – я с огромной гордостью объявляю, что моя дочь Кэролайн станет женой Генри Нельсона!

Слова прозвучали отчетливо, громко, без малейшей возможности их неправильно понять.

Я перестала улыбаться.

На несколько секунд мне показалось, что я просто ослышалась. Что отец сказал что-то другое, а шум в зале исказил смысл его речи. Я смотрела на него, не понимая, почему он улыбается так широко и почему гости вокруг начали аплодировать.

Генри Нельсон?

Не Лиам?

Я медленно повернула голову.

Генри уже стоял рядом с отцом, опираясь на трость, хотя до этого я не замечала ее в его руках. Его седые волосы были аккуратно уложены, на лице выделялись глубокие морщины, а водянисто-серые глаза смотрели на меня с выражением спокойного удовлетворения. Он выглядел человеком, который давно привык получать все, что пожелает, и совершенно не сомневался в том, что сегодняшняя новость должна вызвать всеобщее одобрение.

Семьдесят два года.

Моему будущему мужу было семьдесят два года.

Я почувствовала, как земля словно уходит из-под ног.

– Что?.. – едва слышно выдохнула я.

Отец повернулся ко мне, и его улыбка стала чуть более настойчивой.

– Кэрри, не волнуйся. Это прекрасная новость.

Прекрасная? Я не могла понять, как он вообще мог произнести подобное. Восемнадцать лет. Семьдесят два. Между нами было больше полувека.

Я вдруг осознала, что все это время никто не спрашивал меня о том, хочу ли я замуж. Никто не интересовался моими чувствами, моими представлениями о будущем, моими желаниями. Решение уже было принято. Возможно, давно. Возможно, задолго до моего дня рождения. А сегодняшний праздник просто стал удобным поводом объявить его всем.

– Патрик, – произнес Генри, подходя ближе, – я должен поздравить тебя с такой прекрасной дочерью.

Он говорил с отцом, но смотрел на меня. Я невольно отступила на полшага. Генри протянул руку и взял мою ладонь. Его пальцы были сухими, прохладными, а кожа покрыта мелкими морщинами. Я не знала, куда деть взгляд, и чувствовала, как все сильнее краснею, но уже не от смущения, а от растерянности и страха.

– Кэролайн, – произнес он, – надеюсь, ты понимаешь, насколько тебе повезло.

Я ничего не ответила.

Он улыбнулся, а затем достал из кармана небольшую бархатную коробочку. Когда коробочка открылась, я увидела кольцо с огромным бриллиантом. Камень был настолько

крупным, что на мгновение ослепил меня отраженным светом. Вокруг него располагались мелкие бриллианты, а сама оправа была выполнена из белого золота.

Генри аккуратно надел кольцо на мой палец.

Оно оказалось тяжелым. Не физически, а каким-то странным, почти болезненным образом. Я смотрела на него и понимала, что теперь все действительно стало реальностью. Это не была шутка, не было недоразумением или случайной фразой. Меня только что обручили с пожилым мужчиной, который был старше моего отца.

– Прекрасное кольцо, – восхищенно произнесла одна из гостей.

– Поздравляю, дорогая! – добавила другая женщина.

Ко мне начали подходить люди. Они улыбались, обнимали меня, желали счастья, любви, долгой семейной жизни. Кто-то говорил, что Генри невероятно щедрый мужчина, кто-то отмечал, что наша семья теперь станет еще влиятельнее, а кто-то просто восхищался бриллиантом на моей руке.

Я благодарила всех, потому что не знала, что еще делать.

Молчала.

Улыбалась.

Старалась не плакать.

И все это время я чувствовала на себе взгляд Лиама.

Когда я наконец позволила себе посмотреть в его сторону, наши глаза встретились. Он уже не улыбался так беспечно, как прежде. Его лицо стало серьезнее, а в серых гла-

зах появилось что-то, чего я не могла понять. Возможно, удивление. Возможно, недоумение. Я смотрела на него всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы почувствовать, как внутри что-то болезненно сжалось.

Мне вдруг стало невероятно обидно. Почему именно Генри? Почему не Лиам? Я понимала, что это глупая мысль. Мы даже не были знакомы. Он не обязан был хотеть жениться на мне, и я не имела права рассчитывать на его внимание. Но все равно, если уж отец решил связать наши семьи браком, почему он выбрал именно старшего мужчину? Почему не позволил мне хотя бы надеяться на то, что моя жизнь будет похожа на ту сказку, о которой я мечтала?

Лиам отвел взгляд первым, и я почувствовала себя еще более одинокой.

***

Остаток вечера прошел словно в тумане. Генри почти не отпускал меня от себя. Он держал мою руку, знакомил с партнерами по бизнесу, рассказывал о том, какой роскошной будет наша свадьба и как скоро мы начнем совместную жизнь. Я ходила рядом с ним, стараясь не обращать внимания на то, что его ладонь лежала на моей талии, а люди вокруг смотрели на нас с нескрываемым любопытством.

В какой-то момент я услышала, как одна из женщин произнесла:

– Какая молоденькая невеста! Генри, вам невероятно повезло.

– Я всегда знал, что умею выбирать, – ответил он с довольной улыбкой.

Гости засмеялись. Я тоже попыталась улыбнуться, но почувствовала, что губы дрожат. Генри не замечал моего состояния. Или не хотел замечать. Он был занят разговорами о свадьбе, о будущих семейных планах и о том, как прекрасно будет объединить наши капиталы.

– Мы проведем церемонию через месяц, – сообщил он моему отцу. – Не вижу смысла затягивать. Все уже взрослые люди, решение принято.

– Разумеется, – охотно согласился отец. – Мы полностью поддерживаем вас.

Я стояла рядом и слушала, как мужчины обсуждают мою свадьбу так, словно речь шла о подписании важного контракта.

Через месяц.

Я должна была выйти замуж через месяц.

Мне хотелось спросить, почему все происходит так быстро. Хотелось сказать, что я не готова, что мне страшно, что я даже не знаю, как должна вести себя жена. Но я не решалась. Отец всегда был строгим, а в присутствии деловых партнеров особенно не любил, когда кто-то нарушал его планы. Я боялась его разочаровать. И, наверное, именно поэтому молчала.

Позже, когда музыка стала громче, а гости начали переходить в сад, я ненадолго осталась возле окна. Мне хотелось

побыть одной хотя бы несколько минут, чтобы попытаться осознать происходящее.

Но даже там я не могла перестать думать о Лиаме.

Я видела, как он разговаривал с девушкой в черном платье, как улыбался ей, как легко касался ее локтя, сопровождая к столу. Его поведение было таким же непринужденным, как и раньше, и это почему-то причиняло мне боль.

Возможно, я просто хотела, чтобы он хотя бы раз посмотрел на меня иначе. Чтобы заметил, что я тоже здесь. Что я не просто дочь Патрика Гловера, которую сегодня выдали замуж за его отца, а молодая девушка, которой страшно, и которой очень хочется любви.

Но Лиам не подходил ко мне. Он продолжал веселиться, словно объявление о свадьбе его совершенно не касалось.

Я опустила глаза на кольцо.

Огромный бриллиант сверкал на моей руке, отражая свет люстр и вечернего солнца. Все вокруг считали его символом счастья, благополучия и прекрасного будущего.

А я видела в нем только цепь.

***

Когда праздник наконец закончился, я почувствовала такое облегчение, словно провела весь день под водой и только сейчас смогла сделать первый вдох.

Мы с родителями сели в автомобиль. Отец расположился на переднем пассажирском сиденье рядом с водителем, а мы с мамой устроились сзади. За окнами постепенно темнело, и

огни загородных домов сменялись длинными полосами света на дороге.

Я молчала. Мама тоже не говорила, лишь время от времени поглаживала мою руку. Я чувствовала, что она хочет что-то сказать, но не решается начать разговор.

Отец, напротив, выглядел довольным.

– Сегодня все прошло прекрасно, – произнес он, поправляя манжету рубашки. – Генри остался очень доволен. Его партнеры тоже. Это действительно важный шаг для нашей семьи.

Я посмотрела на него.

– Папа…

Он повернул голову.

– Что?

Я сглотнула, чувствуя, как внутри поднимается тревога.

– Генри… он очень старый.

В салоне автомобиля стало тихо. Отец медленно повернулся ко мне, и я сразу пожалела о сказанном. Его лицо изменилось. Улыбка исчезла, а взгляд стал жестким.

– И что?

Я сжала пальцы на коленях.

– Я просто… – голос предательски дрогнул. – Я не хочу за него замуж.

Мама вздрогнула, но ничего не сказала. Отец несколько секунд смотрел на меня, словно пытался понять, действительно ли я осмелилась произнести подобное.

– Кэролайн, ты хоть понимаешь, что говоришь?

Я опустила глаза.

– Да.

– Нет, не понимаешь. Если бы понимала, не несла бы такую глупость.

Мне стало страшно.

– Но он старше тебя, папа. Он старше даже дедушки…

– Достаточно! – резко перебил он.

Я замолчала, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

– Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что происходит в мире взрослых людей. Ты всю жизнь провела в пансионе, где тебя окружали воспитатели и преподаватели. Ты понятия не имеешь, сколько труда стоит построить бизнес, сколько возможностей открывается перед человеком, если он умеет правильно выбирать партнеров. А теперь, когда тебе предоставили шанс стать частью одной из самых влиятельных семей, ты вдруг решила капризничать?

– Я не капризничаю…

– Именно капризничаешь! – его голос стал еще громче. – Генри Нельсон – уважаемый человек. Он глава огромной девелоперской компании. У него деньги, связи, влияние. Благодаря этому браку наша семья получит невероятные возможности. Ты должна быть благодарна, что мы смогли договориться о таком союзе.

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами.

– Но я не люблю его…

Отец усмехнулся.

– Любовь? Ты еще слишком молода, чтобы понимать, что это такое. Восемнадцать лет. Ты даже не знаешь, как устроена жизнь. Любовь приходит и уходит, а положение в обществе, финансовая стабильность и надежные связи остаются.

Мама наконец тихо произнесла:

– Патрик, она еще ребенок…

– Она взрослая женщина, Дженнифер, сегодня ей исполнилось восемнадцать. И через месяц она станет женой Генри.

Я посмотрела на маму. Она сидела рядом со мной, опустив глаза. Ее пальцы слегка сжимали край сумочки, а на лице было выражение тревоги, но она не возражала против решения отца.

Мне захотелось схватить ее за руку и попросить защитить меня. Сказать, что я не хочу, что мне страшно, что я не готова.

Но мама молчала.

И я поняла, что она тоже не сможет мне помочь.

– Свадьба через месяц, – продолжил отец. – Все уже подготовлено. Завтра мы разошлем приглашения. Я не собираюсь обсуждать это снова.

Я опустила голову. Больше я не произнесла ни слова.

***

Когда автомобиль остановился возле нашего дома, я по-

чти сразу вышла из салона. Не дожидаясь родителей, поднялась по лестнице, прошла через холл и направилась к своей комнате. Я слышала, как мама что-то тихо говорила отцу, но не стала останавливаться. Мне хотелось остаться одной.

Моя спальня была светлой и уютной. Белые стены, нежно-голубые шторы, большая кровать с мягким покрывалом, полки с книгами и небольшая художественная мастерская возле окна. Здесь я провела большую часть своей жизни, здесь мечтала о будущем, рисовала, читала и представляла, каким прекрасным будет мир за пределами пансиона.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

На пальце все еще блестело кольцо.

Я медленно сняла его и бросила на туалетный столик. Бриллиант сверкнул в свете лампы, и от этого зрелища мне стало еще хуже.

Я подошла к кровати, села на край и наконец позволила себе заплакать.

Сначала слезы текли тихо, почти незаметно. Я пыталась сдерживать их, прикрывала рот ладонью, чтобы не издавать звуков. Но вскоре боль стала настолько сильной, что я больше не могла контролировать себя. Я легла на бок, обняла подушку и заплакала так, как не плакала никогда прежде.

Мне было страшно. Страшно от мысли, что через месяц я стану женой человека, которого не люблю. Что мне придется жить в его доме, делить с ним спальню, слушать его распоряжения, улыбаться его знакомым и притворяться счастливой.

Я даже не знала, как выглядят отношения между мужчиной и женщиной. Я никогда не целовалась по-настоящему. Никогда не ходила на свидания. Никогда не испытывала той любви, о которой читала в книгах, и теперь понимала, что, возможно, никогда ее не испытаю. Моя жизнь, которую я представляла такой прекрасной, закончилась, даже не успев начаться.

Я вспомнила Лиама. Его красивое лицо, уверенную улыбку, серые глаза, в которых на мгновение мелькнуло удивление, когда отец объявил о нашей помолвке. Мне почему-то казалось, что, если бы он был моим женихом, все могло бы быть иначе.

Я знала, что это лишь глупая фантазия. Он был сыном моего будущего мужа. Мужчиной, который никогда не смотрел на меня как на кого-то особенного. Возможно, он даже не запомнил моего лица. Но мне хотелось верить, что где-то существует другая жизнь. Та, в которой я не обязана выходить замуж за старика ради бизнеса отца. Та, в которой я могу учиться, рисовать, знакомиться с людьми, влюбляться и однажды выйти замуж за мужчину, которого сама выберу.

Я закрыла глаза, чувствуя, как слезы продолжают скользить по щекам.

На туалетном столике лежало кольцо с огромным бриллиантом. Завтра отец разошлет приглашения. Через месяц состоится свадьба.

И никто не собирался спрашивать меня, чего я хочу.

В тот вечер я по-настоящему поняла, что взрослеть вовсе не означает становиться свободной. Иногда это означает лишь то, что у других людей появляется еще больше возможностей распоряжаться твоей жизнью.

Глава 2

Утро моей свадьбы началось с чужих рук. Они осторожно перебирали мои волосы, разделяли светлые пряди, накручивали их на плойку, закрепляли невидимками и лаком. Другие руки занимались лицом: наносили тональный крем, припудривали кожу, подводили глаза, придавали губам нежный розовый оттенок. Кто-то поправлял складки платья, кто-то обсуждал, насколько удачно подобран оттенок помады, а кто-то с восхищением произносил, что из меня получится невероятно красивая невеста.

Я сидела перед большим зеркалом в спальне родителей и смотрела на девушку, отражавшуюся в его поверхности.

Она была похожа на меня. Те же большие голубые глаза, светлые волнистые волосы, тонкие черты лица. Только теперь ее внешность казалась какой-то ненастоящей, словно меня превратили в фарфоровую куклу, которую нарядили для красивой витрины. На мне было свадебное платье с длинным белоснежным шлейфом, тонким кружевом на лифе и открытыми плечами. Ткань мягко облегала фигуру, а юбка, стоило мне чуть пошевелиться, рассыпалась вокруг ног легкими волнами.

Я должна была радоваться. Наверное, любая девушка мечтает о подобном дне. О красивом платье, цветах, музыке, торжественной церемонии, о мужчине, который ждет ее у ал-

таря и смотрит на нее так, словно она – самое прекрасное, что случилось в его жизни. Но я не могла даже представить себе, что Генри Нельсон будет смотреть на меня с таким чувством.

Я вспомнила его лицо на собственном дне рождения, когда он надел на мой палец кольцо с огромным бриллиантом. Вспомнила сухие, морщинистые руки, водянисто-серые глаза и уверенную улыбку человека, которому никогда не приходилось сомневаться в том, что он получит желаемое. Тогда мне казалось, что это просто страшный сон, что я проснусь и обнаружу себя в своей комнате, а впереди будет обычный день.

Но я не проснулась.

– Кэролайн, милая, не двигайся, – попросила женщина, укладывавшая мои волосы. – Нам осталось совсем немного.

Я послушно замерла.

– Вы такая бледная, – заметила визажистка, отступая на шаг и рассматривая результат своей работы. – Впрочем, это вполне естественно. Невесты всегда волнуются перед церемонией.

– Да, – тихо ответила я.

– Не переживайте. Сегодня все будет прекрасно. У вас замечательный жених, прекрасная семья, шикарная свадьба. Вам остается только улыбаться и наслаждаться моментом.

Я улыбнулась.

Точнее, попыталась.

Мне казалось, что губы просто не слушаются, а на лице появляется какое-то странное, натянутое выражение, которое совсем не похоже на искреннюю радость. Женщина, однако, удовлетворенно кивнула, словно моя улыбка убедила ее в том, что все в порядке.

Я не стала ее разубеждать. Мне вообще было проще молчать. Молчание не требовало объяснений, не заставляло придумывать ответы на вопросы, на которые я сама не знала, как отвечать. Если кто-то говорил, что я нервничаю, я кивала. Если спрашивали, счастлива ли я, улыбалась. Если хвалили платье, благодарила.

Я давно поняла, что послушной девочке легче жить.

По крайней мере, так всегда говорили мама и папа.

Когда наконец закончили с прической и макияжем, меня попросили встать. Несколько женщин тут же принялись расправлять шлейф, проверять застежки, поправлять кружево. В комнате пахло лаком для волос, духами и цветами. На столике возле окна стоял букет белых роз, перевязанный шелковой лентой. Я посмотрела на него и вдруг почувствовала, как сильно мне хочется оказаться где-нибудь далеко отсюда.

В маленькой комнате пансиона, где я провела последние годы. В библиотеке, где можно было часами сидеть с книгой. В саду, где никто не спрашивал, кто мой жених.

Я хотела вернуться туда, где моя жизнь принадлежала мне.

– Кэрри!

Мама вошла в спальню, и все женщины сразу обернулись к ней. Она выглядела прекрасно. На ней было элегантное платье нежного кремово-розового оттенка, волосы уложены в аккуратную прическу, на шее сверкало украшение, которое папа подарил ей несколько лет назад. Мама улыбнулась, когда увидела меня, и на мгновение ее взгляд стал теплым и почти нежным.

– Боже мой, какая ты красивая, – произнесла она, подходя ближе.

Я опустила глаза.

– Спасибо.

Мама коснулась моей щеки, словно хотела убедиться, что макияж не испортится, и тут же убрала руку.

– Не переживай. Все пройдет замечательно. Ты должна понимать, насколько важен сегодняшний день для нашей семьи.

Я кивнула. Конечно, я понимала. Именно поэтому меня и выдавали замуж за Генри. Не потому, что он любил меня. Не потому, что я хотела стать его женой. Не потому, что между нами существовало хоть что-то, кроме деловых договоренностей. Потому что это было выгодно. Потому что мой отец решил, что моя жизнь – подходящая плата за его успех.

***

Лимузин остановился у роскошного здания, где должна была проходить церемония. Я сидела рядом с отцом, крепко сжимая букет. Белые розы были настолько свежими, что

от них исходил едва уловимый сладкий аромат с холодным подтоном. Я смотрела на огромные двери, на ступени, украшенные цветами, на людей, собравшихся у входа, и чувствовала, как внутри меня все сильнее сжимается.

Папа первым вышел из машины. Затем открыл дверь с моей стороны и протянул руку.

– Ну что, Кэролайн? – произнес он с улыбкой. – Готова?

Я посмотрела на его ладонь. Мне хотелось спросить, а готов ли он. Готов ли он отдать свою дочь мужчине, который старше его самого? Готов ли он смотреть, как я буду жить в чужом доме, подчиняться чужим правилам и делать вид, что все это – мое собственное решение? Но я ничего не спросила.

Я вложила свою руку в его. Папа помог мне выбраться из лимузина, придерживая за локоть. На мгновение я почувствовала себя маленькой девочкой, которую ведут через улицу. Только сейчас дорога вела не к чему-то безопасному, а к жизни, из которой я не знала, как выбраться.

Мы поднялись по ступеням. Внутри здания было прохладно. Высокие потолки, огромные окна, светлые стены, роскошные люстры. Все выглядело так, словно здесь собирались праздновать не свадьбу, а какое-то важное событие, от которого зависело будущее нескольких влиятельных людей. Впрочем, так оно и было. Для моей семьи этот брак действительно означал будущее. Для меня – его конец.

Двери огромного зала открылись, и я увидела длинную

дорожку, ведущую к свадебной арке. По обе стороны стояли ряды стульев, на которых сидели гости. Все лица были знакомыми лишь отчасти: деловые партнеры родителей, люди, которых я видела на приемах, какие-то дальние родственники. Ни одной подруги. Ни одной девушки, с которой я могла бы разделить этот день. Я закончила закрытый пансион всего месяц назад. Мои одноклассницы даже не знали, что я выхожу замуж. Возможно, некоторые из них сейчас отдыхали на море, другие готовились к поступлению в университет, третьи строили планы на будущее. А я шла по свадебной дорожке.

В руке отца моя ладонь казалась совсем маленькой. Я старалась смотреть прямо, но взгляд все равно скользил по гостям, цеплялся за лица, за улыбки, за блеск украшений.

И тут я увидела Лиама. Он сидел в первом ряду со стороны жениха, в темном костюме, который удивительно хорошо подчеркивал его широкие плечи. Черные волосы были аккуратно уложены, а серые глаза смотрели на происходящее с таким выражением, будто он оказался здесь исключительно из вежливости и уже мысленно придумал, как поскорее покинуть это место. Он выглядел невероятно красивым.

Я невольно задержала на нем взгляд.

Месц назад, когда я впервые узнала его имя, мне казалось, что, возможно, все еще не так плохо. Что если уж наши семьи решили соединиться через брак, то хотя бы мне достанется молодой мужчина. Красивый, обаятельный, почти моего

возраста. Я представляла, как он будет ухаживать за мной, как мы будем разговаривать, как я постепенно привыкну к нему. Но сегодня я шла к его отцу.

Лиам заметил мой взгляд. Наши глаза встретились, и я тут же смутилась, поспешно опустив ресницы.

Мама сидела в первом ряду со стороны невесты. Она смотрела на меня, улыбалась и, кажется, даже немного прослезилась. Я попыталась улыбнуться ей в ответ, но в этот момент папа остановился возле Генри.

Моя рука была передана в руку жениха.

Генри крепко сжал мои пальцы, и я почувствовала, как холод пробежал по спине. Его ладонь была сухой, с тонкой кожей и выступающими венами. Он положил мою руку себе на локоть, словно я была невестой, которую он собирался вести к алтарю, а не девушкой, которую ему передали в рамках делового соглашения.

Папа наклонился ко мне.

– Улыбайся, – тихо сказал он.

Я послушалась. И осталась стоять рядом с Генри.

***

Мужчина в костюме, чьего имени я даже не знала, начал церемонию. Он говорил о любви, о доверии, о союзе двух сердец, о том, что брак является одним из самых важных решений в жизни человека. Его голос звучал спокойно и торжественно, слова были красивыми, правильными, наполненными смыслом.

Я слушала и думала о том, что ни одно из них не имеет ко мне отношения.

Любовь?

Я даже не знала, каково это – когда тебя любят.

Доверие?

Я доверяла родителям. Доверяла им настолько, что никогда не сомневалась в их решениях. Но теперь, стоя рядом с Генри, я впервые понимала, насколько опасным может быть доверие, если тот, кому ты его отдаешь, не считает нужным заботиться о твоих чувствах.

Союз двух сердец?

Мое сердце сейчас билось так сильно, что, казалось, его слышали все присутствующие. Но оно не стремилось к Генри. Оно пыталось вырваться из груди, убежать, спрятаться, исчезнуть.

Мужчина повернулся к жениху.

– Генри Нельсон, согласны ли вы взять в жены Кэролайн Гловер, быть ей верным супругом, поддерживать и заботиться о ней?

– Да, – ответил Генри без малейшего колебания.

Его голос был уверенным, спокойным. Он произнес это так, словно подтверждал очередной договор, который давно согласован и не требует обсуждения.

Мужчина повернулся ко мне.

– Кэролайн Гловер, согласны ли вы взять в мужья Генри Нельсона, быть ему верной супругой, поддерживать и забо-

титься о нем?

Наступила тишина.

Я слышала, как кто-то кашлянул в зале. Как шелестит ткань моего платья при каждом вздохе. Как шумно бьется сердце.

Я могла сказать «нет».

Это слово вдруг показалось мне удивительно простым. Всего три буквы. Одно короткое слово, которое могло изменить все.

Я могла отказаться.

Могла посмотреть на мужчину перед собой и сказать, что не хочу становиться его женой. Могла повернуться к отцу, к матери, к гостям, к Лиаму, который сидел в первом ряду и смотрел на меня.

Но что случилось бы потом?

Я знала своего отца. Знала его жесткий взгляд, его холодные слова, его убежденность в том, что семья должна стоять выше всего. Я знала, что он не простит мне подобного унижения. Мама тоже не простит. Они могли отречься от меня, выгнать из дома, лишить всего.

И что тогда?

Я ничего не умела. Не знала, как жить самостоятельно, как зарабатывать деньги, как оплачивать жилье, как устроен этот мир за пределами пансиона. Я даже не представляла, куда могла бы пойти, если бы прямо сейчас сбежала.

Генри сжал мою руку.

Его пальцы больно впились в кожу.

– Да, – произнесла я.

Слово вышло тихим, почти неразборчивым, но его услышали. Мужчина улыбнулся и продолжил церемонию. Я больше не слушала. Все происходило будто за стеклом. Генри повернулся ко мне, и я вынужденно подняла голову.

– Поцелуйте невесту, – сказал мужчина.

Я замерла.

Генри наклонился ко мне. Я почувствовала его дыхание, запах дорогого парфюма, смешанный с чем-то тяжелым и неприятным. Его губы коснулись моих, и я с трудом удержалась от того, чтобы не отшатнуться. Поцелуй был влажным, неловким, чужим. Я закрыла глаза и заставила себя не двигаться. Мне хотелось вытереть губы. Хотелось отойти, спрятаться, умыться. Но вокруг нас стояли люди, которые улыбались и аплодировали. Они радовались нашему союзу, поздравляли нас, смотрели на меня с восхищением.

Никто не видел, как мне противно.

Никто не замечал, что я едва сдерживаю слезы.

Никто не спрашивал, счастлива ли я.

***

После церемонии гости переместились на открытую веранду, где был организован свадебный банкет. Там стояли длинные столы, украшенные белыми скатертями, цветочными композициями и хрустальными бокалами. С потолка свисали гирлянды теплых огней, а за ограждением веранды от-

крывался красивый вид на сад. Музыка звучала негромко, официанты разносили напитки, гости смеялись, поздравляли молодоженов и поднимали тосты.

Все было безупречно.

И совершенно невыносимо.

Генри держал меня под руку, представлял знакомым, принимал поздравления. Он говорил о нашем будущем, о том, как прекрасно, что две семьи теперь станут одной, как много возможностей открывается перед нами.

Я улыбалась. Иногда кивала. Кого-то благодарила. А внутри меня росла пустота.

Я все чаще замечала Лиама. Он стоял неподалеку от одного из столов, разговаривал с девушками, улыбался, наклонял голову, что-то говорил им на ухо. Девушки смеялись, касались его руки, смотрели на него с нескрываемым интересом. Он флиртовал так легко, будто это было для него естественным состоянием. Я не могла отвести взгляд.

Почему не он? Этот вопрос возникал снова и снова, хотя я понимала, насколько глупо он звучит. Лиам был сыном Генри. Он был молодым, красивым, свободным. И, судя по его поведению, совершенно не заинтересованным в том, чтобы жениться на мне. Но если уж нашим семьям так нужен был брак, почему не он? Почему меня отдали старому мужчине, а не его сыну? Я не знала ответа.

В какой-то момент Лиам повернулся и посмотрел в мою сторону. Я тут же отвела глаза, чувствуя, как щеки залива-

ются жаром. Мне стало стыдно за то, что я так пристально наблюдала за ним, за то, что в день собственной свадьбы думала о другом мужчине.

Хотя, если честно, я не могла назвать Генри своим мужчиной. Он был моим мужем только потому, что так решили другие.

Время тянулось мучительно медленно. Я почти не ела, лишь время от времени делала несколько глотков воды. Генри говорил, что мне нужно привыкать к подобным мероприятиям, что теперь я буду часто появляться на деловых приемах и должна научиться вести себя достойно. Я слушала его и думала, что, наверное, никогда не привыкну.

Когда банкет наконец подошел к концу, я почувствовала облегчение. Гости постепенно расходились, музыка стихала, официанты убирали со столов. Генри попрощался с несколькими людьми, после чего взял меня за руку и повел к автомобилю.

Я села на заднее сиденье рядом с ним.

Дверь закрылась, и шум праздника остался позади.

***

Особняк Генри оказался огромным. Я смотрела в окно автомобиля, пока мы ехали по длинной дороге, ведущей к дому. Вокруг тянулись ухоженные газоны, высокие деревья, аккуратно подстриженные кустарники. Фасад здания освещался мягкими фонарями, и в темноте он выглядел почти величественно. Я должна была восхищаться, но мне было страш-

но.

Генри сидел рядом, положив руку на трость, хотя на свадьбе обходился без нее. Он молчал всю дорогу, а теперь заговорил, словно продолжал беседу, которую мы начали еще на банкете.

– Теперь ты хозяйка этого дома, Кэролайн. Тебе придется заниматься бытовыми вопросами, следить за прислугой, управлять хозяйством. Я не люблю, когда в доме беспорядок.

Я повернулась к нему.

– Хорошо.

– Здесь живем только я, ты и мой сын Лиам. Он, конечно, человек совершенно непутевый. Университет окончил, но толку от него мало. Вечно развлекается, тратит деньги, не думает о будущем.

Я едва заметно оживилась. Лиам будет жить здесь? Мысль о том, что я снова увижу его, вызвала во мне неожиданное чувство. На мгновение мне даже стало легче. Возможно, в этом доме будет хоть кто-то, кто не станет смотреть на меня как на свою собственность.

Но радость быстро исчезла. Лиам был сыном моего мужа. Моим пасынком. Я должна была держаться от него подальше, не смотреть на него слишком долго, не думать об его улыбке, не вспоминать, как он выглядел в свадебном зале.

– Ты должна понимать, что теперь у нас будет полноценная семья, – продолжил Генри. – Мне нужен еще один наследник. Ты молодая, здоровая. Скоро забеременеешь и ро-

дишь мне ребенка.

Я почувствовала, как внутри все сжалось.

– Ребенка? – тихо переспросила я.

Генри повернул голову и посмотрел на меня.

– Разумеется. Ты ведь моя жена. Что еще ты думаешь делать?

Я опустила глаза. Мне стало холодно, хотя в салоне было тепло. Я никогда не думала о детях. В пансионе мы обсуждали романтические истории, мечтали о красивых свадьбах, о любви, о мужчинах, которые будут заботиться о нас. Но я никогда не представляла, что стану матерью ребенка старого человека, которого даже не люблю. Я не знала, как это возможно. Не знала, как можно жить с мужчиной, который вызывает у тебя страх и отвращение, и при этом рожать ему детей. Но я снова промолчала.

Автомобиль остановился у входа в особняк. Водитель открыл дверь, Генри вышел первым и протянул мне руку. Я осторожно выбралась из машины, придерживая платье, и поднялась вслед за ним по ступеням.

Дом встретил нас тишиной. Внутри было просторно, светло и дорого. Мраморный пол, высокие колонны, огромная лестница, ведущая на второй этаж. На стенах висели картины, в вазах стояли свежие цветы. Все выглядело так, словно здесь никогда не происходило ничего плохого.

Генри повел меня наверх. Мы повернули налево и остановились перед вычурной резной дверью. Он открыл ее, и

я увидела комнату с широкими окнами, выходящими в сад. Свет был приглушенным, на кровати лежало белое покрывало, а возле окна стояли кресла и небольшой столик.

– Это наша спальня, – произнес Генри.

Я вошла внутрь. Моя свадебная юбка тихо шуршала по полу. Я чувствовала себя чужой в этом пространстве, словно меня случайно занесло в комнату, где я не должна находиться.

Генри закрыл дверь.

И в этот момент я поняла, что праздник закончился.

Больше не будет гостей, музыки, улыбок и чужих поздравлений. Не будет мамы, которая могла бы поправить мое платье, и папы, который вел меня по дорожке. Не будет людей, перед которыми мне нужно изображать счастье. Теперь я осталась наедине с мужем. Я стояла посреди спальни, не зная, что делать, куда смотреть, как себя вести. Генри подошел ко мне и начал расстегивать платье.

Я напряглась.

– Подождите, – прошептала я.

Он не остановился. Я хотела сказать, что боюсь. Хотела попросить его быть осторожнее, дать мне время, оставить меня в покое хотя бы на эту ночь. Но слова застряли в горле, и я лишь почувствовала, как глаза наполняются слезами.

Я надеялась, что он заметит.

Надеялась, он увидит, как я плачу, и остановится. Надеялась, ему станет жаль меня. Надеялась, он поймет, что я не

готова, что мне страшно, что я не хочу этого.

Но Генри не остановился.

Он словно не замечал моих слез. Для него все происходило так, как должно было происходить в первую брачную ночь. Я была его женой, и этого оказалось достаточно.

Я отвернулась, закрыла глаза и попыталась мысленно оказаться в другом месте. В своей комнате, в пансионе, где-нибудь, где меня никто не тронет. Но мое тело оставалось здесь, в чужой спальне, рядом с мужчиной, которого я не выбирала.

Я не хочу вспоминать эту ночь.

Не хочу возвращаться к ней даже мысленно.

Я лишь помню, как смотрела на темный потолок, как слезы стекали по вискам, как внутри меня постепенно исчезало что-то важное. То, что я раньше считала собой. Моя наивность, мои мечты, моя вера в то, что однажды меня полюбят.

Когда все закончилось, Генри уснул почти моментально. Он лежал рядом, спокойно дышал, будто ничего особенного не произошло. Я же не могла даже пошевелиться. Мне казалось, что если я закрою глаза, то снова окажусь в той же ситуации, и от этого становилось еще страшнее.

Я осторожно поднялась с кровати. Ноги дрожали. Одна из дверей вела в ванную – это я знала точно. Сразу после всего, что Генри сделал со мной, он ходил туда в туалет. Я накинула сорочку, что была на мне под свадебным платьем, и на носочках пробежала через спальню в ту комнату. Закрыла за собой дверь. За замок, чтобы Генри тоно не смог зай-

ти. Внутри было светло, прохладно, пахло дорогим мылом и чистыми полотенцами.

Я подошла к раковине. Посмотрела на свое отражение. На бледное лицо, на покрасневшие глаза, на распущенные светлые волосы. На девушку, которая еще утром была невестой, а теперь стала женой. Женой Генри Нельсона.

Меня затошнило.

Я опустилась на колени перед унитазом и меня вырвало. Я долго не могла остановиться, пока тело не стало болезненно слабым. Потом я села на холодный пол, прижала ладонь ко рту и заплакала.

Тихо.

Так, чтобы он не услышал.

Мне было мерзко. Страшно. Одиноко.

Я не понимала, вся ли близость между мужчиной и женщиной такая. Неужели это всегда боль, страх и ощущение, будто тебя лишили чего-то, что ты не хотела отдавать? Или все было именно потому, что мой муж – старик, которого я не любила?

Я вспомнила Лиама.

Его серые глаза, красивую улыбку, уверенность в каждом движении. Вспомнила, как он смотрел на меня в зале, как флиртовал с девушками на банкете. И вдруг мне стало особенно больно от мысли, что я могла бы быть совсем другой невестой: могла любить и быть любимой, сама выбирать, с кем провести ночь, кому доверить свои чувства, кому позво-

лить прикоснуться к себе. Но я ничего не выбирала.

Я медленно поднялась, умыла лицо и долго смотрела на воду, стекающую по пальцам. Потом вернулась в спальню, осторожно легла на самый край кровати и отвернулась от Генри. Он спал, а я лежала в темноте, слушая его дыхание, и чувствовала себя по-настоящему беспомощной.

За окном шелестели деревья. Где-то далеко светился сад. В огромном доме было тихо, и эта тишина казалась бесконечной. Я закрыла глаза. Завтра начнется моя новая жизнь, и мне было страшно даже представить, какой она окажется.

Глава 3

Я проснулась от солнечного света, который пробивался сквозь неплотно задернутые шторы и ложился широкой золотистой полосой на постель. Несколько секунд я не могла понять, где нахожусь. Незнакомый потолок, тяжелые портьеры, огромная кровать, чужой запах дорогого парфюма и древесины… Затем память услужливо вернула меня в реальность.

Я замужем. Вчера была свадьба. Белое платье, цветы, гости, поздравления, поцелуй под свадебной аркой. А потом – эта спальня и ночь, которую мне хотелось бы вычеркнуть из собственной жизни.

Я осторожно повернула голову. Генри еще спал. Он лежал на спине, откинув одеяло почти до пояса, и его седые волосы были растрепаны. Во сне лицо казалось менее строгим, но от этого не становилось приятнее. Я невольно задержала взгляд на его теле: сухая кожа, покрытая мелкими морщинами и пигментными пятнами, худые руки, выступающие ключицы, небольшой живот. Вчера я старалась не рассматривать его слишком пристально, а сейчас, при ярком дневном свете, уже не могла отвлечься от очевидной разницы между нами. Он был старым мужчиной. Не просто старше меня, не просто человеком другого поколения. Между нами лежала целая жизнь, которую я еще даже не успела начать.

Я отвернулась и села на кровати, стараясь не разбудить мужа. В теле чувствовалась непривычная слабость, а мысли были тяжелыми и спутанными. Мне хотелось поскорее принять душ, переодеться и хотя бы на несколько минут забыть, что вчера произошло.

В ванной комнате я обнаружила то, что не заметила ночью: огромную дизайнерскую ванну, большую мраморную раковину и целый ряд баночек с дорогими средствами. Все выглядело роскошно, но совершенно безлично. Даже полотенца были сложены так аккуратно, словно ими никто никогда не пользовался.

Я долго стояла под теплой водой, надеясь, что вместе с ней уйдет неприятное ощущение прошедшей ночи. Потом вытерлась и обнаружила, что из одежды здесь есть только моя свадебная сорочка чуть прикрывающая попу и один халат – мягкий, светлый, с широкими рукавами и поясом на талии. Видимо, Генри не подумал о том, что мне может понадобиться что-нибудь еще. Я запахнула халат, завязала пояс и вернулась в спальню за телефоном, который так и лежал в сумочке невесты. Генри все еще спал. На этот раз я посмотрела на него лишь мельком, после чего тихо вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь.

Мне хотелось позавтракать. Это желание казалось почти нелепым на фоне всего происходящего, но желудок напоминал, что вчера я практически ничего не ела. К тому же я понятия не имела, когда проснется Генри и собирается ли он

вообще завтракать вместе со мной. Оставаться в спальне и ждать его пробуждения не хотелось совершенно.

Я спустилась по широкой лестнице на первый этаж. Особняк при дневном свете оказался еще внушительнее, чем накануне вечером. Высокие окна пропускали много солнечного света, на стенах висели картины в массивных рамах, а на мраморном полу лежали светлые ковры. В доме царила такая безупречная чистота, что мне даже было немного неловко ступать по нему босыми ногами.

Я остановилась в холле, пытаясь сообразить, куда идти дальше.

– Доброе утро, миссис Нельсон.

От неожиданности я обернулась. Ко мне направлялась женщина лет сорока в строгой форме прислуги. У нее были аккуратно собранные волосы, спокойное лицо и внимательный взгляд человека, который привык замечать все происходящее в доме, но не вмешиваться без необходимости.

– Доброе утро, – ответила я.

– Меня зовут миссис Говард. Я экономка мистера Нельсона. Рада приветствовать вас в доме.

– Очень приятно.

Женщина улыбнулась сдержанно и доброжелательно.

– Завтрак уже подан в столовой. Желаете пройти?

– Да, спасибо. Только я, наверное, не найду дорогу. Вы не могли бы подсказать, где она находится?

– Разумеется, миссис Нельсон. Прошу за мной.

Я последовала за ней по коридору. Мне было немного неловко оттого, что я не знала даже расположения комнат в собственном доме. Хотя, если подумать, он не был моим. Я оказалась здесь вчера вечером и еще не успела осмотреться. Впрочем, теперь, судя по всему, мне предстояло привыкать к этому месту.

Миссис Говард открыла двустворчатые двери и пропустила меня вперед.

Столовая оказалась огромной. В центре стоял длинный стол из темного дерева, рассчитанный на множество гостей, но сейчас сервированы были только три места. Одно – во главе стола, два других – по бокам от него. На белоснежной скатерти стояли тарелки с разными блюдами, фруктами, овощами, выпечкой и несколько небольших графинов с напитками.

За одним из боковых мест уже сидел Лиам. Я узнала его сразу, хотя до этого видела преимущественно в костюме и издалека. Сегодня на нем была простая темно-серая футболка, открывавшая сильные руки, и домашние брюки. Черные волосы выглядели слегка растрепанными, а на лице играло выражение человека, который совершенно никуда не торопится. Он поднял глаза, когда я вошла, и задержал на мне взгляд чуть дольше, чем требовалось для обычного приветствия.

– Доброе утро, мачеха.

Я остановилась. Слово прозвучало так неожиданно, что я

не сразу поняла, как на него реагировать. Мачеха. Я никогда не думала, что когда-нибудь услышу его в свой адрес, тем более от мужчины, который на несколько лет старше меня.

– Доброе утро, – произнесла я после короткой паузы.

– Как спалось?

Лиам улыбался. В его голосе слышалась легкая насмешка, но взгляд оставался внимательным, почти изучающим. Я вдруг осознала, что стою перед ним в одном халате, и машинально поправила пояс.

– Нормально, спасибо.

– Рад за тебя.

Он произнес это с такой невозмутимостью, что я не поняла, шутит он или действительно интересуется. Наверное, шутит. Лиам вообще производил впечатление человека, который не привык относиться к чему-либо серьезно.

– Только не называй меня так, пожалуйста, – попросила я, стараясь говорить спокойно.

Лиам чуть приподнял брови.

– Как?

– Мачехой.

– А как мне тебя называть? Миссис Нельсон?

Я растерялась.

– Можно просто Кэрри.

– Кэрри, – повторил он, словно пробуя мое имя на вкус. – Так гораздо лучше.

Почему-то от того, как он его произнес, мне стало нелов-

ко. Я опустила глаза, делая вид, что рассматриваю сервировку стола.

– Садись, – добавил Лиам, кивнув на свободное место. – Займи место по правую руку от короля.

Я посмотрела на кресло во главе стола, а затем на свободное место рядом с ним.

– Обычно наоборот, наследник справа, супруга – слева.

– Король имеет право устанавливать свои порядки.

Я не удержалась от короткой улыбки. Слова Лиама показались мне забавными, хотя смеяться над его отцом я бы не решилась.

– Надеюсь, король не рассердится, если я займу место без дозволения?

– Уверен, он переживет. У него есть дела поважнее, чем следить за тем, кто куда садится.

В его ответе промелькнуло что-то насмешливое, и я невольно улыбнулась снова. Лиам заметил это. Уголок его рта приподнялся, а взгляд на мгновение задержался на моих губах. Я тут же перестала улыбаться, сама не понимая, почему вдруг почувствовала себя так, словно сделала что-то непозволительное.

Я села напротив него. Передо мной стояла пустая тарелка, а между нашими местами располагалось множество блюд. Я взяла небольшую порцию яичницы, добавила овощей и налила себе воды.

– Приятного аппетита, – сказала я скорее из вежливости,

чем потому, что ожидала ответа.

– И тебе, Кэрри, – он произнес мое имя без насмешки, но отчего-то именно от этого оно прозвучало особенно близко.

Я принялась за завтрак, стараясь сосредоточиться на еде. Несколько минут мы молчали, и я уже начала надеяться, что неловкость постепенно пройдет, когда Лиам снова заговорил:

– Знаешь, жаль тратить такую красоту на моего старика отца.

Я едва не уронила вилку.

– Что?

– Комплимент, Кэрри. Можешь не искать в нем скрытый смысл.

– Я и не ищу, – слишком быстро ответила я.

– Правда?

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто совершенно не поверил. Я почувствовала, как щеки становятся горячими. Никто прежде не говорил мне ничего подобного настолько прямо. В пансионе мужчины вообще были редкостью, а на светских мероприятиях я обычно держалась рядом с мамой и почти не разговаривала с молодыми людьми. Лиам же произнес это так непринужденно, словно подобные слова были для него обычной частью утреннего приветствия.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Не за что. Я просто говорю то, что вижу.

Он снова занялся завтраком, оставив меня наедине с соб-

ственным смущением. Я старалась не смотреть на него, но это оказалось сложнее, чем я предполагала. Лиам был красивым. Не просто симпатичным, как некоторые мужчины, которых родители приглашали на приемы. В нем было что-то почти вызывающее: правильные черты лица, темные волосы, серые глаза, широкие плечи и улыбка, от которой хотелось улыбнуться в ответ, даже если ты совершенно не понимал причины веселья.

Я вспомнила, как увидела его на своем дне рождения. Тогда он флиртовал с девушками, и мне казалось, что, возможно, однажды он обратит внимание и на меня. Я даже немного волновалась при этой мысли. Но теперь я сидела напротив него в халате его отца, а он был моим пасынком. Жизнь определенно обладала странным чувством юмора.

Я подняла глаза и встретилась с его взглядом. Лиам не отвел глаз. Он продолжал смотреть на меня поверх чашки, словно ему было интересно, как долго я выдержу это молчаливое противостояние. Я первой опустила взгляд к тарелке и сделала вид, что меня чрезвычайно заинтересовал кусочек помидора.

– Ты всегда такая тихая? – спросил он.

– Наверное, когда не знаю человека, мне сложно сразу разговаривать.

– А теперь ты меня знаешь?

Я посмотрела на него.

– Не особенно.

– Тогда придется исправлять ситуацию.

Он улыбнулся, и я снова растерялась. В его словах не было ничего особенного, но произнесены они были так, будто он уже решил, что мы непременно станем общаться. Я не знала, радоваться этому или, наоборот, опасаться.

– Ты ведь теперь живешь здесь, – добавил он. – Будет скучно, если мы станем делать вид, что не знакомы.

– Мы уже знакомы.

– Поверхностно. Ты знаешь, как меня зовут, а я знаю, что ты не любишь слово «мачеха». Не слишком богатый набор сведений.

– А что еще мне нужно знать?

– Например, что я ужасно неприятный человек. Чтобы потом не было сюрпризов.

Я невольно рассмеялась. Лиам посмотрел на меня с явным удовлетворением, словно именно этого и добивался.

– Ты не похож на неприятного человека, – сказала я.

– Это потому, что я стараюсь производить хорошее первое впечатление.

– А получается?

– Судя по твоей улыбке, вполне.

Я тут же перестала улыбаться, а он тихо усмехнулся. Мне хотелось возразить, но я не находила подходящих слов. Лиам разговаривал со мной так легко, словно между нами не существовало никакой разницы в положении. Он не обращался ко мне как к жене своего отца, не проявлял почтительности,

не держался отстраненно. И, пожалуй, именно это сбивало меня с толку сильнее всего.

Я опустила взгляд на его руки. Он держал вилку свободно, не торопясь, иногда отодвигал тарелку, чтобы дотянуться до блюда в центре стола. На пальцах не было колец, запястье украшали дорогие часы, а рукава футболки открывали крепкие предплечья. Его движения были уверенными и непринужденными. Я поймала себя на том, что рассматриваю его слишком внимательно, и поспешно занялась собственной тарелкой.

Когда я снова подняла глаза, Лиам снова смотрел на меня. На этот раз он ничего не сказал, только чуть заметно улыбнулся, будто успел заметить мою маленькую оплошность. Я почувствовала, что краснею, и принялась превращать в бесформенное месиво остатки яичницы, хотя давно потеряла аппетит.

В столовой было тихо. За окнами колыхались ветви деревьев, где-то далеко в доме негромко работала техника. Ни прислуги, ни других членов семьи поблизости не было. Мы оставались вдвоем, и от этого обычный завтрак приобретал странную интимность, которой я совершенно не ожидала.

Лиам доел первым. Он отложил приборы, промокнул губы салфеткой и поднялся из-за стола. Я продолжала смотреть в тарелку, надеясь, что он просто уйдет, не обращая на меня внимания. Но он обошел стол со стороны пустующего места Генри и остановился за моей спиной. Я почувствовала

его присутствие еще до того, как услышала голос. Он оказался совсем близко. Настолько, что я невольно выпрямилась и перестала двигаться.

– Ты так старательно прячешься за этим халатом, – негромко произнес он, – что мне даже интересно, зачем.

Я повернула голову, но Лиам уже наклонился ко мне. Его голос прозвучал возле самого уха:

– Хотя, должен признать, мне нравится, как распахиваются его полы.

Я замерла. На секунду я даже перестала понимать, что держу в руках вилку. Потом резко бросила приборы, запахнула халат, крепче стянула пояс и обернулась. Только теперь Лиам выпрямился. На его лице не было ни смущения, ни раскаяния, лишь та самая самоуверенная улыбка, с которой он, кажется, мог позволить себе сказать что угодно.

– Лиам… – вырвалось у меня.

– Да, Кэрри?

Он смотрел на меня выжидающе. Я хотела сказать, что так нельзя, что он не должен разговаривать со мной подобным образом, что я жена его отца. Но все эти фразы застряли где-то в горле. Я не могла подобрать слова, не могла даже понять, почему его замечание так сильно меня задело. Или, что было еще хуже, почему оно так сильно меня смутило.

– Ничего, – наконец выдавила я.

– Вот и хорошо.

Он бросил на меня короткий взгляд и направился к выхо-

ду из столовой. Уже у дверей Лиам обернулся.

– Приятного дня, Кэрри.

И ушел, оставив меня сидеть с пылающими щеками и крепко сжатыми краями халата.

Я посмотрела на закрывшуюся дверь. Что это вообще было? Я ведь не специально спустилась в таком виде. В спальне не оказалось другой одежды, а я просто хотела позавтракать. Неужели он не мог вести себя нормально? И почему я не нашла в себе смелости ответить ему что-нибудь резкое? Наверное, потому, что не привыкла к подобным разговорам. В пансионе нас учили быть воспитанными, сдержанными и не позволять себе фамильярности. Но Лиам будто намеренно проверял, насколько далеко может зайти, прежде чем я возражу.

Я сделала несколько глотков воды, стараясь прийти в себя.

Вскоре в столовую вошел Генри. Он уже успел привести себя в порядок: седые волосы были аккуратно расчесаны, рубашка застегнута, на запястье блестели часы. Он занял место во главе стола, кивнул мне и принялся накладывать себе завтрак.

– Доброе утро, – произнесла я.

– Доброе.

Я снова взяла вилку, надеясь, что он не станет задавать вопросов. Однако Генри быстро оглядел меня с головы до ног.

– Почему ты ходишь по дому в халате?

Я смутилась и машинально запахнула его сильнее.

– Я проснулась раньше вас. Хотела позавтракать, а другой одежды в спальне не нашла.

Генри нахмурился.

– Все твои вещи привезли из дома родителей. Они находятся в гардеробной, рядом с нашей спальней. Нужно было посмотреть там.

– Я не знала.

– Теперь знаешь. Не стоит ходить по дому в таком виде, особенно учитывая, что здесь живет мой сын.

Я почувствовала, как лицо снова заливает краска. Мне захотелось объяснить, что я не собиралась никому демонстрировать халат, что Лиам сам подошел ко мне и сделал замечание. Но я тут же представила, как Генри отреагирует на подобные слова. Он мог решить, что я сама провоцирую его сына, а потом устроить скандал из-за совершенно невинной ситуации, поэтому я промолчала.

– Хорошо, – сказала я.

Генри продолжил завтракать, словно вопрос был закрыт.

– Иди переоденься. Через час выезжаем.

Я подняла голову.

– Куда?

– В свадебное путешествие. Разве ты забыла?

Нет, не забыла. Просто вчера, когда мы обсуждали свадьбу, я старалась не думать о том, что будет после нее. А теперь оказалось, что у меня даже не будет времени привык-

нуть к новому дому.

– Ясно, – ответила я.

– Собери необходимые вещи. Все остальное уже подготовлено.

Я кивнула и поднялась из-за стола.

По дороге в спальню я думала о том, что мне следовало бы радоваться. Свадебное путешествие, наверное, должно было стать самым счастливым событием для молодой жены. Красивый отель, море, рестораны, прогулки, новые места. В книгах, которые я читала в пансионе, именно так начиналась семейная жизнь героев. Но в моем случае все было иначе. Я вошла в гардеробную и обнаружила, что мои вещи действительно уже привезли. Платья висели на отдельных плечиках, обувь была аккуратно расставлена на полках, а косметика и украшения разложены по ящикам. Кто-то позаботился обо всем заранее, не спросив меня ни о чем. Даже мое белье нашлось в одном из ящиков. Кто копался в нем?!

Я выбрала светлое платье, переоделась и собрала небольшую сумку. Потом посмотрела на себя в зеркало и поправила волосы. На вид я была обычной девушкой, которая собирается в поездку с мужем. Ничего в моем отражении не выдавало того, что я не хочу никуда ехать. Наверное, я уже начинала привыкать к тому, что мои настоящие чувства никого не интересуют.

***

Через час мы покинули особняк. Водитель отвез нас в

аэропорт, где нас уже ждал самолет. Я почти не разговаривала с Генри по дороге и не знала, о чем говорить теперь. Он проверял сообщения на телефоне, отвечал на звонки, несколько раз обсуждал какие-то рабочие вопросы. Казалось, даже свадебное путешествие не могло отвлечь его от бизнеса. Когда мы поднялись на борт, мне показали мое место, предложили напитки и спросили, удобно ли мне. Я благодарила, улыбалась и старалась не задавать лишних вопросов. Генри устроился напротив и вскоре снова погрузился в телефон.

Самолет взлетел.

Я смотрела на облака за окном и думала, что теперь действительно нахожусь далеко от дома. От комнаты, в которой выросла, от привычных коридоров пансиона, от родителей. Впереди были новые места и человек, с которым мне предстояло провести ближайшие дни. Я пыталась представить, как все будет. Возможно, Генри окажется не таким требовательным, когда мы останемся вдвоем. Может быть, он будет вести себя мягче, станет разговаривать со мной, рассказывать о себе. Я ведь почти ничего о нем не знала, кроме того, что он богат, влиятелен и привык получать желаемое.

Но чем дольше я думала, тем меньше верила в собственные надежды.

Свадебное путешествие оказалось чередой красивых мест, дорогих ресторанов и номеров с видом на море. Именно так, как я и представляла. Генри выбирал отели, заказы-

вал ужины, иногда предлагал прогуляться по набережной. Со стороны мы, вероятно, выглядели вполне счастливой парой: молодая жена и состоятельный мужчина, решивший показать ей мир.

Я старалась быть благодарной.

Он покупал мне подарки, интересовался, нравится ли мне номер, спрашивал, что я хочу заказать. Иногда даже держал меня за руку, когда мы выходили из ресторана. Но за этими жестами не было той нежности, о которой я мечтала. Генри воспринимал меня как жену-аксессуар, а значит, считал естественным, что я должна находиться рядом, улыбаться и выполнять то, чего он от меня ожидает.

Особенно ясно я понимала это по вечерам.

Когда мы возвращались в номер, Генри не считал нужным спрашивать, хочу ли я близости. Он просто ожидал ее. Даже когда сам не мог и был вынужден прибегать к таблеткам. Я же каждый раз старалась отвлечься от происходящего, закрывала глаза и мысленно переносилась куда-нибудь подальше от этой комнаты. Иногда я представляла, что снова нахожусь в пансионе и читаю книгу у окна. Иногда вспоминала мамины рассказы о путешествиях, которые мы когда-то планировали совершить вместе.

А иногда, сама не понимая почему, думала о Лиаме. Вспоминала его серые глаза, легкую улыбку, голос, прозвучавший совсем близко у моего уха. Вспоминала, как он смотрел на меня за завтраком, как намеренно задерживал взгляд, слов-

но знал, что я смущаюсь, и как легко произносил слова, от которых я терялась. Я пыталась представить, что сказала бы ему, если бы он снова заговорил со мной так. Наверное, попросила бы прекратить. Напомнила бы, что я замужем за его отцом. Что он не должен позволять себе подобных замечаний. Но стоило мне мысленно произнести эти слова, как я слышала его насмешливое: «Да, Кэрри?» – и понимала, что вряд ли смогла бы сказать их так уверенно, как хотелось бы.

Мне было стыдно за эти мысли.

Лиам был сыном Генри. Я была его женой. Между нами не должно было существовать ничего, кроме обычного семейного общения, и я прекрасно это понимала. Но почему-то именно его присутствие в доме казалось мне гораздо более ощутимым, чем присутствие собственного мужа. Я почти не знала Лиама, но уже успела запомнить его улыбку, манеру говорить и то, как менялось выражение его лица, когда он замечал мое смущение.

Я не хотела думать о нем. И все же каждый раз, когда Генри прикасался ко мне, я невольно вспоминала совсем другие руки – молодые, сильные, с длинными пальцами, которые я так внимательно рассматривала за завтраком. От этого становилось еще стыднее. Я приехала в свадебное путешествие женой Генри Нельсона, но даже здесь, вдали от особняка, его сына невозможно было выкинуть из головы. И, кажется, именно это пугало меня сильнее всего.

Глава 4

Возвращение из свадебного путешествия оказалось на удивление будничным. Особняк встретил нас привычной тишиной, безупречным порядком и сдержанными приветствиями прислуги. Казалось, за время нашего отсутствия здесь ничего не изменилось. Те же высокие потолки, мраморные полы, тяжелые портьеры и картины в золоченых рамах. Только теперь я уже не была гостьей, которую привезли сюда накануне свадьбы. Я стала хозяйкой дома, хотя сама пока не представляла, что именно это должно означать.

Генри почти сразу погрузился в работу. В первый же день после возвращения он провел несколько часов в кабинете, принимал звонки, встречался с деловыми партнерами и обсуждал какие-то документы. Я видела его преимущественно за завтраком или поздним ужином, да и тогда он редко отрывался от телефона. Казалось, свадебное путешествие было для него всего лишь небольшой паузой в привычном расписании, которую теперь требовалось наверстать.

Лиама тоже почти не было дома. Иногда миссис Говард упоминала, что он уехал утром и вернется поздно вечером, иногда я слышала, как хлопала входная дверь, но сама его не видела. И, наверное, так было даже лучше. После того странного завтрака я не знала, как вести себя с ним при следующей встрече. Его замечание о халате до сих пор всплывало

в памяти в самые неподходящие моменты, заставляя меня краснеть, хотя, если подумать, ничего особенного не произошло.

По крайней мере, я пыталась себя в этом убедить.

Первые пять дней после путешествия прошли почти одинаково. Я просыпалась, завтракала, иногда гуляла по саду, читала книги или смотрела телевизор в гостиной. Миссис Говард исправно следила за домом, прислуга выполняла свои обязанности, а мне оставалось только просить, если что-то требовалось. Сначала я даже находила в этом определенное удовольствие. Никто не заставлял меня рано вставать, готовиться к занятиям, выполнять домашние задания или соблюдать строгий распорядок пансиона. Я могла спать сколько угодно, выбирать платья, проводить время в саду и не думать о завтрашнем экзамене.

Но довольно скоро свобода превратилась в скуку. Учеба закончилась еще в июне. Работать Генри мне не разрешал, а о поступлении в университет после свадьбы даже не хотел слышать. Когда я однажды осторожно заговорила об этом, он ответил, что мне незачем заниматься подобными вещами. Теперь я жена Генри Нельсона, и моя главная задача – освоиться в доме и научиться вести себя соответственно своему положению.

Я не стала спорить. Возможно, следовало настоять на своем, но я никогда не умела отстаивать желания перед взрослыми. С детства привыкла, что родители лучше знают, как

правильно, а после свадьбы эта привычка только укрепилась. Генри говорил уверенно, не оставляя пространства для возражений, и я постепенно поняла, что проще согласиться, чем пытаться объяснить ему собственную точку зрения.

К тому же меня вполне устраивало, что он занят работой.

В свадебном путешествии я успела заметить одну особенность нашего супружества, о которой предпочла бы не знать. Генри не всегда мог добиться того, чего хотел, и иногда перед близостью принимал таблетки. Он старался не привлекать к этому моего внимания, но я замечала, как менялось его настроение, когда что-то шло не так. В такие моменты он становился раздражительным и еще более требовательным. Мне было неловко даже думать об этом. Я не знала, как должна вести себя жена в подобных обстоятельствах, и уж тем более не могла представить, что когда-нибудь стану обсуждать такие вещи с кем-либо. Поэтому просто старалась не задавать вопросов и радовалась каждому вечеру, когда Генри задерживался в кабинете или возвращался настолько уставшим, что сразу ложился спать.

На шестой день после возвращения я вышла из спальни, собираясь спуститься вниз. На мне было легкое светлое платье, которое я выбрала еще утром. Волосы свободно лежали на плечах, а на ногах были домашние туфли. Я прикрыла за собой дверь и направилась к лестнице, но, сделав несколько шагов, остановилась.

В дальнем конце коридора открылась дверь. Из спальни,

расположенной по правую сторону от лестницы, вышел Лиам. На нем были только темные домашние брюки, сидевшие низко на бедрах, верхняя часть тела оставалась обнаженной. Он, судя по всему, только проснулся или недавно принял душ: черные волосы были слегка влажными и растрепанными, а на груди еще поблескивали крошечные капли воды.

Я забыла, куда направлялась.

Просто остановилась посреди коридора, глядя на него, и совершенно не понимала, что делать дальше.

Лиам заметил меня почти сразу. Его лицо озарила знакомая улыбка, и он непринужденно махнул рукой.

– Привет, Кэрри.

Я машинально подняла ладонь в ответ.

– Привет.

На этом, казалось бы, наше общение могло закончиться. Он мог пройти мимо, я – продолжить путь. Но почему-то никто из нас не двинулся с места.

Лиам посмотрел на меня, затем медленно направился в мою сторону.

Он шел босиком по прохладному мраморному полу, совершенно не торопясь. Я следила за его приближением и с каждым шагом все отчетливее осознавала, что смотрю на него слишком пристально. Мне следовало отвернуться, заняться чем-нибудь, хотя бы сделать вид, что я рассматриваю картины на стене. Но взгляд будто не слушался.

Вблизи он оказался еще внушительнее, чем издалека. Ши-

рокие плечи, развитая грудь, четко очерченные мышцы живота, сильные руки. В его фигуре не было ничего искусственного или нарочитого – он просто выглядел молодым, здоровым мужчиной, привыкшим к своему телу.

Лиам остановился прямо передо мной.

– Ну что? – спросил он с легкой хрипотцой. – Налюбовалась?

Я резко подняла глаза.

– Что?

– Спрашиваю, налюбовалась ли ты.

– Я не понимаю, о чем ты вообще.

Он усмехнулся и оперся ладонью о стену рядом с моей головой. Теперь между нами оставалось совсем немного места. Я невольно отступила, но позади оказалась стена, и отступать дальше было некуда.

– Конечно, не понимаешь, – протянул Лиам. – Ты ведь просто стояла и смотрела.

– Я не смотрела.

– Нет?

Он чуть наклонил голову, рассматривая мое лицо. Я почувствовала, как начинают гореть щеки. Мне хотелось возмутиться его самоуверенностью, но слова никак не складывались в убедительную фразу.

– Лиам, я вообще-то замужем за твоим отцом.

Он демонстративно оглянулся по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли нас кто-нибудь.

– И где же он?

– Что?

– Твой муж. Где он сейчас?

– Наверное, в офисе.

– Наверное, – повторил Лиам. – Очень точный ответ.

Он снова посмотрел на меня. В его глазах плясала насмешка, но в то же время я чувствовала, что он внимательно следит за каждой моей реакцией.

– Здесь нет камер? – спросила я, сама не понимая, зачем вообще это произнесла.

Лиам коротко рассмеялся.

– Камеры есть снаружи особняка. Внутри отец не любит, когда за ним наблюдают.

– Тогда почему ты…

Я осеклась.

– Почему я что?

– Ничего.

– Вот именно, Кэрри. Ничего.

Он произнес это негромко, но я отчетливо услышала в его голосе вызов. Лиам не отстранялся, не спешил заканчивать разговор. Напротив, казалось, ему нравилось мое смущение. Он словно наслаждался тем, как я пыталась подобрать слова и каждый раз терялась под его взглядом.

Я отвела глаза, но тут же совершила ошибку – снова посмотрела на его грудь. Его кожа была гладкой, плечи казались особенно широкими, а мышцы живота отчетливо выде-

лялись при каждом движении. Я вдруг подумала о том, насколько иначе выглядел Генри. В памяти всплыло его худое тело, сухая кожа и старческие руки. Я почувствовала укол неловкости за это сравнение, но не смогла от него избавиться.

Лиам проследил за моим взглядом.

– Что-то не так?

– Нет.

– Тогда почему ты так смотришь?

– Я вообще на тебя не смотрю.

– Кэрри, – произнес он с улыбкой, – ты ужасно плохо врешь.

Я закусила губу и отвернулась. Он мог бы просто пройти мимо. Мог бы оставить меня в покое, как оставлял все предыдущие дни. Но теперь стоял так близко, что я чувствовала тепло его тела, и разговаривал со мной так, словно мы были наедине не в доме моего мужа, а где-нибудь в совершенно другом месте.

– Тебе не кажется, что ты ведешь себя странно? – наконец спросила я.

– Мне кажется, что ты слишком много волнуешься.

– Я жена твоего отца.

– Ты уже говорила.

– Значит, должен понимать.

Лиам посмотрел на меня чуть внимательнее. Его улыбка стала менее заметной.

– Понимаю, – сказал он. – Но сейчас здесь только ты и я.

От этих слов у меня перехватило дыхание. Я не знала, что ответить. В них не было прямого предложения или признания, но прозвучали они так, что я невольно ощутила себя участницей чего-то неправильного. Я попыталась сделать шаг в сторону, однако Лиам выпрямился и не дал мне пройти, хотя и не прикоснулся ко мне.

– Пропусти меня.

– Конечно.

Он отступил, но продолжал смотреть на меня. Я уже собиралась пройти мимо, когда Лиам неожиданно протянул руку и взял мою ладонь.

– Подожди.

Я застыла.

– Что ты делаешь?

– Хочу кое-что проверить.

– Что?

Он не ответил. Вместо этого осторожно, но уверенно развернул мою ладонь и положил ее себе на грудь. Я почувствовала под пальцами тепло его кожи и напряженную поверхность мышц. От неожиданности хотела сразу же отдернуть руку, но Лиам удержал ее. Не причиняя боли, просто не позволяя мне уйти так быстро, как я собиралась.

– Лиам…

– Что?

– Отпусти.

Он посмотрел мне в глаза, но руки не убрал.

– Ты так боишься меня?

– Я не боюсь.

– Тогда посмотри на меня.

Я подняла глаза. Его лицо оказалось совсем близко. Впервые за все время он не улыбался. Серые глаза внимательно изучали мое лицо, словно он пытался понять, действительно ли я хочу, чтобы он отпустил меня, или просто не знаю, как реагировать на происходящее. Я чувствовала под ладонью его дыхание. Грудная клетка медленно поднималась и опускалась, а мышцы под моей рукой напрягались от каждого вдоха. Это было непривычное, почти ошеломляющее ощущение. Я никогда прежде не прикасалась к мужчине подобным образом, не считая Генри, и сейчас отчетливо понимала разницу между ними.

Лиам был молодым. Его тело было сильным и живым, а кожа – теплой и гладкой.

Я попыталась освободить руку еще раз, но движение получилось неуверенным. Мои пальцы едва заметно скользнули по его груди и коснулись соска, и я почувствовала, как он глубоко вдохнул.

В ту же секунду я осознала, что сделала.

Между нами повисла тишина.

Лиам больше не улыбался. Его взгляд на мгновение опустился к моей руке, а затем вернулся к лицу. Он чуть ослабил пальцы, и я воспользовалась этим, резко высвободив ладонь.

– Мне нужно идти, – прошептала я.

Я не стала ждать ответа. Развернулась, почти бегом преодолела несколько шагов до спальни и скрылась за дверью. Закрыв ее, я прижалась спиной к дереву, будто только так могла удержаться на ногах.

Сердце билось так сильно, что я слышала его собственный глухой стук в ушах.

Что я натворила?

Я посмотрела на ладонь, которой только что касалась Лиама. На ней, конечно, ничего не осталось, но мне все еще казалось, что я чувствую тепло его кожи. Я медленно сжала пальцы, пытаясь избавиться от этого ощущения, и закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.